

Дмитрий ПАВЛОВ

Митрополит Гурий (Егоров) — защитник веры и исповедник XX века

*Митрополит Гурий
благословляет
прихожан
при выходе из
Троицкого собора
Днепропетровска.
1964–1965 гг.*

В послереволюционные советские годы гонений на Церковь такие пастыри, как митрополит Гурий, спасали Русскую Православную Церковь от уничтожения, а ее паству от рассеяния. Иеромонах Гурий стоял у истоков создания Александро-Невского братства, прошел через тюремные застенки и ссылку, после освобождения из Беломорско-Балтийского лагеря уехал в Ташкент и там со своими духовными чадами организовал тайную общину. После окончания Великой Отечественной войны, в 1946 году, готовил к открытию Троице-Сергиеву лавру и возвращение Церкви мощей преподобного Сергия Радонежского. Более шести лет возглавлял Ташкентскую кафедру, служил в Саратовской епархии, обустроивал храмы и монастыри на Украине и в Белоруссии, возглавлял Ленинградскую кафедру и окончил служение в Крыму, упокоившись в 1965 году.

Детство. Семья

Вячеслав Егоров (будущий митрополит Гурий) родился 1 июля 1891 года, рано лишился родителей и воспитывался вместе с тремя старшими братьями и сестрой в Петербурге, в семье своего дяди Якова Степановича Селюхина. Получил достойное образование — окончил с отличием и степенью кандидата коммерции Петровское коммерческое училище в 1911 году. Отказавшись от престижных мест, в том числе и от должности заведующего финансовой частью в вице-консульстве Российской империи в итальянском городе Бари, куда приезжало большое количество русских паломников к мощам святителя Николая, Вячеслав выбрал духовный путь. В 1912 году выдержал вступительные испытания и был принят в Санкт-Петербургскую духовную академию, одну из ведущих духовных школ России того времени, которую окончил в 1917 году со степенью кандидата богословия. Вячеслав с детских лет мечтал стать монахом и священником, поэтому в стенах академии в 1915 году принял монашеский постриг с именем Гурий, в честь святителя Гурия, архиепископа Казанского, миссионера, обратившего многих казанских татар в Православие.

На выбор духовного пути Вячеслава повлияли известные Оптинские старцы — Анатолий (Потапов) и Нектарий (Тихонов), а также священник Георгий Коссов. На монашество его благословил епископ Сергей (Тихомиров), служивший в те годы в Японии, — они были давно знакомы, и Вячеслав еще мальчиком помогал ему в алтаре.

Петроград. Александрo-Невское братство

В 1917 году, сразу после окончания академии, иеромонах Гурий был принят в число братьев Александрo-Невской лавры. К тому времени Петроградскую епархию возглавил епископ Вениамин (Казанский), вскоре возведенный в сан митрополита. Пользовавшийся авторитетом у верующих петроградский архиерей поддержал миссионерское служение трех молодых иеромонахов — братьев Гурия и Льва (Егоровых) и Иннокентия (Тихонова), предоставив им Крестовую церковь в Александрo-Невской лавре. Молодые монахи преуспели в пастыр-

ской деятельности. Братья сняли комнату на Лиговке и проводили беседы для рабочих: рассказывали о событиях из Священной истории, сопровождая их показом диапозитивов, вели беседы о жизни. Однажды иеромонах Гурий представился митрополиту Антонию (Храповицкому). Когда он назвал свою фамилию, владыка Антоний воскликнул: «А, братья Егоровы, как вас не знать, вся Россия знает братьев Егоровых». В 1918 году, когда Патриарх Тихон приехал в Петроград, митрополит Вениамин представил ему молодых монахов. В ответ на это Святейший сказал: «Ну кто же их не знает: Иннокентия, Гурия, Льва...»

После прихода к власти большевики попытались ликвидировать Александрo-Невскую лавру, ответом на это стало образование Александрo-Невского братства в 1918 году. Историк Михаил Шкаровский отмечает, что Александрo-Невское братство явилось уникальным явлением не только в Петроградской епархии, но и во всей Русской Православной Церкви. Это был «живой, динамичный организм — конкретные виды и формы его работы неоднократно менялись с учетом изменения общественно-политических и социальных условий. ...Оно представляло собой стержень жизни епархии, на протяжении четырнадцати лет играя заметную роль во всех важнейших событиях этой жизни, в частности, активно борясь с обновленческим расколом...»¹. Основой духовной жизни членов Александрo-Невского

Основатели Александрo-Невского братства. Слева направо: иеромонах Лев, иеромонах Гурий, иеромонах Иннокентий (Тихонов). 1916 г.

братства являлись ежедневные богослужения в Крестовой церкви, которые часто возглавлял митрополит Вениамин. Практиковалось строго уставное чтение и общенародное пение. У братства было два собственных хора, которыми руководили иеромонахи Иннокентий и Гурий. В 1919–1920 годах в братство вступили многие учащиеся Богословско-пастырского училища, в котором иеромонах Гурий преподавал Священное Писание Нового Завета. Один из членов братства, Н. А. Мещерский, так охарактеризовал иеромонаха Гурия в своих воспоминаниях: «...Он [иеромонах Гурий] больше обращал внимание на внутреннюю, духовную сторону, на духовное аскетическое направление. Он был... очень хороший проповедник, необыкновенный духовник, очень обаятельный и приятный человек, он умел привлекать к себе самых разных людей»².

В 1922 году митрополит Петроградский Вениамин в Крестовой церкви возвел иеромонаха Гурия в сан архимандрита и наградил его посохом со словами: «Дается вам этот посох в знак особого служения вашей молодежи».

Тюрьма. Ссылка в Усть-Цильму

Год 1922-й принес обновленческий раскол и репрессии со стороны советской власти. В июне был арестован и через несколько месяцев расстрелян митрополит Петроградский Вениамин. Аресту подверглись и руководители Александро-Невского братства: епископ Иннокентий (Тихонов), архимандрит Гурий и его брат иеромонах Лев.

Архимандрит Гурий провел четыре месяца в тюрьме, где заболел сыпным тифом. Из-за болезни его перевели в тюремную больницу имени доктора Гааза, а в июне 1923 года сослали в северный поселок Усть-Цильма на реке Печора. Осенью место ссылки заменили на Туркестан.

Время, проведенное в заключении, архимандрит Гурий воспринимал как «самое полезное и нужное», о котором он молился. Его духовные поиски и наставления духовным чадам сохранились в дневниковых записях и в письмах из заключения:

«Среда 15/28 июня [19]22 г.

В тюремной обстановке обучаешься терпению и благодущию. Когда на воле расходиться

с человеком в чем-нибудь или чем-нибудь недоволен, то сейчас же высказываешь, считая, что нужно “научить”, и “чтобы вперед не делали”. Теперь же я понял, что это никогда не следует делать в момент своего недовольства, а лишь потом, когда оба будем в мирном, дружественном настроении. И тогда многое отпадет как ненужное и многого не скажешь.

Четверг, 16/29 июня [1922 г.]

Господи, Ты видел, что мне нужно, и Ты дал. Душа сосредоточилась, поняла себя, подошла ближе и проще к Справедливому Богу. “Научи мя творити волю Твою”. И Ты учишь. Потому что я сам не в силах был творить ее. <...>

Глеет тело, возрождается дух.

Придет к тебе уныние, берись скорее за четки: Иисусова молитва всесильна. Она душу перерождает! Иной раз нет сил терпеть эти стены, эти решетки, эти запоры, — хочется в безумстве биться, ломать... Делается отчаянно тоскливо, нестерпимо тяжело. Но... четки взял... и сотня перерождает. Становится легко, ясно, твердо. Хоть на смерть!

Мне иногда кажется, что я только начинаю себя находить, только начинаю познавать Бога, познавать любовь к Нему, познавать покорность Его воле...»³

А 16 июля архимандрит Гурий записал в дневнике: «Часто жалею, что нет достаточно горячей молитвы. Той, которую мы теперь совершаем, я совершенно не удовлетворен. Небрежно, без подъема... Трудно...»⁴ Помимо переосмысления молитвенных трудов, он много размышлял на страницах дневника об уставном богослужении, чтении и пении.

Весной 1925 года архимандрит Гурий вернулся в Ленинград. Проезжая Москву, он участвовал в похоронах Патриарха Тихона — был уставщиком на его отпевании. В Ленинграде воссоединился с освободившимися епископом Иннокентием и своим братом, иеромонахом Львом. В 1927–1928 годах архимандрит Гурий дважды подвергался арестам, после чего его приговорили к пяти годам лагерей. Срок отбывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала. К счастью для священника, в конторе понадобился человек, знающий бухгалтерию. Тут и пригодились его знания, полученные в коммерческом училище, что, возможно, спасло жизнь отцу Гурию, избавив от необхо-

димости рубить лес, стоя по пояс в воде во время половодья. И в лагере он не оставлял своего душепопечительного пастырского долга: утешал людей, молился за них, тайно исповедовал и причащал. Архимандрит Гурий досрочно освободился из лагеря в июле 1933 года как «подлинный ударник Беломорстроя» (так написано в его автобиографии), на короткий срок вернулся в Ленинград, но проживать там и служить не имел права. Поэтому переехал в город Бийск на Алтае, а затем в Ташкент, где на протяжении одиннадцати лет (до 1944 года) тайно служил.

Тайное служение в Средней Азии

Средняя Азия с первых лет советской власти была местом ссылки репрессированного духовенства и мирян, пострадавших за веру. Сюда переезжали и освободившиеся из лагерей и ссылки священники в надежде, что вдали от центральных районов меньше вероятность преследования властями. Однако начатая большевиками борьба с Русской Православной Церковью не обошла стороной и Среднюю Азию с Казахстаном. Пастыри в среднеазиатских го-

родах подвергались таким же репрессиям, как и в Центральной России.

В 1922 году управление епархией перешло к обновленцам, которых поддержали авторитетные ташкентские протоиереи Сергей Уклонский и Григорий Брицкий. Против обновленцев выступили протоиерей Михаил Андреев и священник Валентин Войно-Ясенецкий (будущий епископ Лука).

Архимандрит Гурий единственный из отцов Александро-Невского братства остался в живых в годы Большого террора. Средняя Азия стала для него спасительной пустыней. Но и здесь он не оставлял своего служения. Официально «пребывая на покое» с 1933 по 1944 год, отец Гурий в действительности руководил небольшой общиной, собрав вокруг себя своих духовных чад. Архимандрит Гурий получил от митрополита Арсения (Стадницкого) благословение на тайное служение в домашних условиях и антиминс для совершения Божественной литургии. Целью таких общин, сформировавшихся в церковном подполье в 1920–1940-х годах, было не дать угаснуть монашеству как аскетической

Община архимандрита Гурия. (В центре стола отец Гурий). Поселок Беш-Бала. 1940 г.

традиции в условиях гонений. Реализовывалась форма бытия, именуемая «монашество в миру» или «монашество без стен и одежды». Члены общины работали в государственных учреждениях, добросовестно выполняя свои трудовые обязанности и гражданский долг. Это также являлось частью христианского мировоззрения.

Митрополит Иоанн (Вендланд) вспоминал: «Мы жили удивительной жизнью: с одной стороны, глубоко церковной, с другой — активно гражданской. ...Только своеобразные условия тридцатых годов позволили жить так, как жили мы. Своей церковности мы не афишировали, более того, стремились к тому, чтобы никто из посторонних (даже моя мама) о ней не знали. Это достигалось очень легко, потому что мы не были болтливы, а в гражданской жизни работали очень напряженно»⁵.

Как показали события последующих лет, эта форма бытия принесла благодарные плоды — многие члены общины приняли монашеский постриг. В 1934 году архимандрит Гурий совершил тайный постриг в монашество Константина Николаевича Вендланда с наречением имени Иоанн. А в 1936 году епископ Иннокентий (Тихонов) по просьбе своего друга рукоположил монаха Иоанна во иеродиакона и иеромонаха.

В 1937 году архимандрит Гурий заболел крупозным воспалением легких, что послужило его знакомству с епископом Лукой (Войно-Ясенецким), который в тот момент осуществлял врачебную практику в Ташкенте. Об этом эпизоде в своих воспоминаниях рассказал также митрополит Иоанн (Вендланд). Епископ Лука, которого пригласили к отцу Гурию, осмотрев больного, сказал, что тот скоро поправится. Архимандрит Гурий возразил, что «монаху надо думать о смерти, а не о выздоровлении». На что епископ Лука заметил: «О чем думать монаху, вам лучше знать, но я, как врач, говорю вам, что вы поправитесь, и притом скоро»⁶. Так и произошло.

В связи с закрытием православных храмов в Ташкенте у членов общины появилась возможность совершать тайные богослужения в домашних условиях. Архимандрит Гурий полностью перешел «на домашнюю жизнь»: утром и вечером он организовывал богослужения для своих духовных чад, днем к ним готовился, а в перерывах занимался хозяйством. Но все же самым важным делом для архимандрита Гурия было руководство духовной жизнью каждого члена общины. В основе лежало послушание — сознательное вверение своей жизни духовнику и отсечение собственной воли. Первая книга,

Проповедь епископа Гурия в кладбищенской часовне в честь иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость. Ташкент. Июль, 1947 г.

которую он давал читать своим подопечным, — «Душеполезные поучения» аввы Дорофея.

Внешняя же сторона жизни в общине была следующей: вставали в пять или шесть часов утра, сначала читали утренние молитвы, затем с поклонами совершали «пятисотницу» (Иисусову молитву). Затем архимандрит Гурий служил утреню, остальные пели и читали. Старались закончить к восьми часам утра, потом завтракали. После этого каждый член общины шел на свою работу, затем был обед, личные занятия, потом служилась вечерня с повечерием. После службы накрывался ужин, читались вечерние молитвы, в 23–24 часа отходили ко сну. Архимандрит Гурий всегда говорил о важности совместной молитвы, которая сближала членов общины и делала ее настоящим христианским общежитием. Помимо этого, каждый имел еще свое личное правило: чтение канонов и акафистов. Такой режим хотя и был довольно напряженным, но приносил всем огромное внутреннее удовлетворение. И конечно, особенно приятны были воскресные и праздничные дни: с вечера служилась всенощная, а утром Литургия.

В 1938 году архимандрит Гурий из-за опасений нового ареста с некоторыми из духовных чад переселился в предместье Ферганы — кишлак Беш-Бала, где был приобретен частный дом для проживания общины. Архимандрит Гурий перестроил узбекскую постройку на европейский лад и расширил ее. Там же он устроил оранжерею с удивительными цветами, а в саду разбил цветочные клумбы, вел наблюдения за растениями и делал аккуратные записи в особой тетради. В Беш-Бале в земляном полу дома была вырыта ниша, в которой находился алтарь домашнего храма в честь Всех Святых, в земле Российской просиявших. Таким образом, архимандрит Гурий снова мог тайно совершать Божественную литургию в домашних условиях. По воспоминаниям архиепископа Михея (Хархарова), вблизи этого дома при совершении в нем богослужений местные жители неоднократно слышали очень тихое, но необычайно красивое пение. Они считали это пение ангельским, а место святым.

Таким был порядок в общине, пока не началась Великая Отечественная война. Кто-то ушел на фронт, кто-то скончался — число духовных

чад архимандрита Гурия заметно сократилось. Но в Беш-Бале во время войны нашли прибежище его родственники, эвакуированные из Ленинграда по Дороге жизни.

Троице-Сергиева лавра, 1945–1946-й

Архимандрит Гурий не принял обновленческих идей, всегда держался Патриаршей Церкви, был верен и Патриарху Тихону, и митрополиту Сергию (Страгородскому), ставшему Патриархом на короткое время. Патриарх Алексий (Симанский), вступив в феврале 1945 года на патриарший престол, осенью того же года вызвал архимандрита Гурия из «глуши пустынной» и назначил наместником Троице-Сергиевой лавры. Для подготовки к открытию лавры, этого чрезвычайно важного в историческом и духовном плане события, выбор Патриарха пал на архимандрита Гурия, хорошо известного ему по деятельности в Александро-Невской лавре. Состояние лавры в то время описал в своих воспоминаниях архимандрит Тихон (Агриков): «Храмы, башни, стены, монастыря, здания, корпуса, часовни — все в полуразвалившемся состоянии. Всюду валялись камни от стен, кирпичи, песок, взрытая кем-то земля. Нельзя было пройти свободно, чтобы не споткнуться, не упасть и не разбить себе голову. Такова была Лавра в 1945 году»⁷.

В монастыре не было свободных площадей, все помещения были заняты государственными учреждениями или приспособлены под жилье. В результате долгих переговоров советские власти приняли решение о передаче Церкви Успенского собора. Архимандриту Гурию предстояли работы по подготовке собора к богослужению и по возврату церковного имущества из музея, где оно хранилось, а главное — возвращению верующим мощей преподобного Сергия Радонежского. Решение этих задач требовало больших усилий, знаний и умения выстраивать отношения с государственными чиновниками, которыми в должной мере обладал архимандрит Гурий. Кроме того, коммерческое образование помогало ему в решении финансовых вопросов, составлении смет и определении этапов восстановительных работ.

До открытия лавры архимандрит Гурий пребывал настоятелем Ильинской церкви Загорска и жил у церковного старосты Ильи Васильевича

Сарафанова. За несколько дней до празднования Пасхи в 1946 году состоялась официальная передача Патриархии Успенского собора, и отец Гурий получил ключи от него. Необходимо было подготовить его к пасхальному богослужению и перенести мощи преподобного Сергия Радонежского, поскольку Троицкий собор еще оставался в ведении государства.

В Великую Среду 17 апреля 1947 года с волнением и молитвой архимандрит Гурий открыл Успенский собор, который внутри представлял унылое зрелище: «В куполах из окон сосульки, слой пыли на всем, ни подсвечника, ни аналая, пустота, холод и запустение»⁸. Престол стоял разоблаченный. Ольга Павловна, дочь отца Павла Флоренского, пошила облачение нижнее и верхнее на жертвенник и престол из парчи, которую дал Патриарх, а остальной материал пожертвовали верующие. Староста Ильинской церкви И. В. Сарафанов помог свечами, ладаном, кадилным углем, предоставил на престольное Евангелие, облачение и другие необходимые для богослужения предметы, которые после войны было очень трудно достать. Архимандрит Гурий готовился провести в только что переданном Успенском соборе пасхальную службу. Этому ждали и все верующие, известие о передаче распространялось очень быстро.

В Великий Четверг после Литургии отец Гурий в Ильинском храме объявил, что открывается Успенский собор, и попросил верующих

помочь приготовить храм к службе. Прихожане откликнулись на его просьбу.

По ходатайству архимандрита Гурия из Загорского музея-заповедника были переданы Плащаница и богослужебные сосуды. Чтобы организовать служение, необходимо было очень многое: хор, свечи, люди за свечной ящик, просфоры, те, кто их печет, и пр. Чудом и Промыслом Божиим, можно считать, все получилось организовать!

В Великую Субботу, 20 апреля 1946 года в Успенский собор была возвращена рака с мощами преподобного Сергия Радонежского. Власти до последней минуты пытались сохранить это событие втайне от мирян, не обозначая времени передачи раки с мощами. В результате в 20 часов 15 минут акт о передаче мощей был подписан со стороны светских властей директором Загорского музея-заповедника В. К. Ряховским, а со стороны Патриархии — архимандритом Гурием.

Один из участников тех событий, протоиерей Сергей Боскин, вспоминал, как после двадцатилетней тишины в обители преподобного Сергия в пасхальную ночь зазвонили колокола. Люди, заполнившие площадь под колокольней, стояли с зажженными свечами, и на фоне ночного неба колокольня казалась в розовом сиянии — так много было свечей⁹.

В истории Троице-Сергиевой лавры архимандрит Гурий остался первым наместником,

*Архиепископ Гурий
с духовенством.
Мелитополь, 1957 г.*

на чьи плечи легло тяжелое, ответственное и в то же время радостное бремя послевоенного возрождения обители преподобного Сергия Радонежского. На Пасху 1946 года лавра была открыта. Постепенно возобновлялась монашеская жизнь.

За эти заслуги Патриарх Алексей возвел архимандрита Гурия в сан епископа и назначил его на Ташкентскую кафедру, сказав: «Вы открыли Лавру, поставили дело на рельсы, а теперь вам новое послушание — быть епископом Ташкентским»¹⁰.

Во главе Среднеазиатской епархии

Служить в Ташкентской и Среднеазиатской епархии епископу Гурию было нелегко: тяжелые послевоенные годы, огромная территория четырех республик, приходы на больших расстояниях друг от друга, разбросанность русского населения среди местных народов мусульманского вероисповедания. Жить и служить приходилось, по существу, в иноверческой среде. Но, с другой стороны, чувствовался большой духовный подъем среди верующих — власти разрешили открывать храмы.

С четырьмя уполномоченными Совета по делам РПЦ — по числу республик — владыка Гурий поддерживал деловые и доброжелательные отношения, проявлял вежливость и так-

тичность, но в то же время отстаивал интересы Церкви. И это позволяло решать различные вопросы: открывать новые храмы, возвращать церковные здания, делать ремонты и заниматься благоустройством, проводить свою кадровую политику.

С кадровой проблемой епископ Гурий столкнулся сразу после вступления на Ташкентскую кафедру: ощущалась нехватка священников, уровень образования был невысоким, почти половина священнослужителей была старше 60 лет, иногда нравственное состояние духовенства не соответствовало сану, и за недостойное поведение правящий архиерей был вынужден снимать настоятелей, священников переводить на менее значимые приходы, а также временно понижать до должности псаломщиков, увольнять за штат, запрещать в священнослужении.

В 1948 году епископ Гурий пригласил из Москвы нескольких образованных священников. Большим подспорьем в кадровом вопросе стали духовные чада владыки Гурия: иеромонах Иоанн (Вендланд) был назначен секретарем епархии, Александр Хархаров принял монашество с именем Михай и был рукоположен в иеродиакон с назначением в штат Успенского кафедрального собора, Игорь Мальцев в сентябре 1946 года был назначен иподиаконом в кафедральный собор. Иеромонах Михай и Игорь Мальцев были направлены в Московскую духовную семинарию, по окончании которой в 1951 году вернулись в Ташкент на служение. Таким образом постепенно воплощалась в жизнь кадровая стратегия епископа

Архиепископ Гурий на богослужении в день ангела в Троицком кафедральном соборе. Днепропетровск. 18 декабря 1958 г. (слева)

Архиерейский Собор в Троице-Сергиевой лавре. Слева направо: Патриарх Алексей, митрополит Гурий, митрополит Питирим (Свиридов). Загорск. 18 июля 1961. (справа)

Два архиерея — учитель и ученик: митрополит Гурий с архиепископом Иоанном (Вендландом). Симферополь. 19 июня 1963 г.

Гурия — восполнить недостаток духовенства посредством рукоположения молодых образованных людей. Со временем они должны были составить новое поколение священнослужителей Русской Православной Церкви в условиях советской действительности.

Для решения насущных вопросов церковной жизни и приходской практики епископ Гурий проводил совещания настоятелей и благочинных. Хорошим подспорьем стал выпуск информационного бюллетеня для освещения церковной жизни «Информации по Среднеазиатской епархии». В 1947–1948 годах вышло 12 выпусков. Эти брошюры если и не содействовали повышению богословского образования, то, во всяком случае, расширяли кругозор и помогали в практической пастырской работе. Бюллетень получал и внимательно следивший за своей паствой Патриарх Алексий I. На 11-й выпуск он дал письменный отзыв:

«1948. Ноября 16. Читал. Очень полезное начинание. Оно отражает большую заботу Архипастыря о своих пасомых — священнослужителях и мирянах — и дает очень содержательный материал для полезных церковных мероприятий. Божие благословение сотрудникам в этом деле Преосвященного Гурия»¹¹. Учитывая, что в то время был строгий контроль над церковными изданиями и даже в Москве разрешено было только издание «Журнала Московской Патриархии», удивительно, что владыке Гурию удалось выпустить 12 номеров бюллетеня и два года распространять его по приходам Среднеазиатской епархии.

Уполномоченный по делам религий в Узбекистане А. И. Степанов знал о выходе епархиального бюллетеня, собирал у себя вышедшие номера, делал в них пометы. Таким образом, «Информации» выходили два года без разрешения Совета по делам РПЦ, но с молчаливого согласия ташкентского уполномоченного, пока в Москве не обратили на них внимание в июне 1949 года благодаря докладу уполномоченного по Киргизии.

Управляя вверенной ему Ташкентской епархией, епископ Гурий в письме к Патриарху Алексию, датированном 18 октября 1951 года, проявляет себя как ученый-монах, разбирающийся в богословских вопросах:

«Я лично продолжаю работать над сочинениями Патриарха Сергия. Кроме того, недавно я занимался вопросом о причащении невенчаных — к этому меня побудило то, что некоторые священники Ташкентской епархии не допускали таких лиц к причащению. Разобрав канонические правила, говорящие о епитимиях за блуд и прелюбодеяния, и ознакомившись с практикой древней и русской Церкви, я пришел к тому заключению, что невенчаный брак никак нельзя считать блудом согласно канонам. А потому те священники, которые не допускают к причастию лиц, живущих в браке, но невенчаных, поступают ошибочно. Такой практики не было в древней Церкви»¹².

Помимо открытия храмов в многочисленных городах и селах Средней Азии, необходимо было налаживать снабжение их свечами, богослужебными книгами, иконами и другими предметами церковного обихода. Для обеспечения приходов всем необходимым епископ Гурий организовал в 1947 году при Епархиальном управлении свечной завод, иконописную и пошивочную мастерские. Для удовлетворения нужд приходов при Епархиальном управлении был создан склад богослужебных книг и церковной утвари. Ташкентский архиерей добивался от настоятелей храмов ответственности и правильного учета денежных средств и материального хозяйства в приходах.

Саратовская епархия

Архиепископ Гурий был назначен на Саратовскую кафедру с титулом Саратовский и Сталинградский, при этом ему было поручено

чено и временное управление Астраханской епархией. Архипастырь прибыл на новое место своего служения 13 февраля 1953 года. Менее чем через месяц умер И. В. Сталин, и было непонятно, как это событие отразится на развитии отношений Церкви и советского государства. А еще через месяц, 15 апреля, у владыки Гурия случился инфаркт, после которого он долго восстанавливался.

Архивные документы раскрывают картину сложной и нездоровой обстановки в Саратовской епархии в 1950-е годы. В церковной истории позднего сталинского периода Саратовская епархия оказалась особо отмеченной из-за громкого «Саратовского дела» — массовых купаний в проруби в праздник Крещения Господня 19 января 1949 года. И хотя это произошло после того, как духовенство и часть верующих покинули оборудованные проруби на Волге после крестного хода, от 300 до 500 человек осталось и около сорока минут продолжали погружаться в прорубь. В газете «Правда» появился фельетон «Саратовская купель», ставший сигналом для целого ряда антирелигиозных статей и административных мер против духовенства и верующих. Управляющий епархией епископ Борис (Вик) после разбирательства был переведен в Чкаловскую и Бузулукскую епархию, произошли перестановки и в органах власти. Крещенские водосвятия под открытым небом были впредь запрещены.

На новом месте службы владыка Гурий обратился к Патриарху Алексию и получил разрешение провести совещание настоятелей приходов, для которого священнослужители должны были подготовить отчеты о работе и ответить на ряд вопросов. Архиепископ Гурий подготовил «Обращение к настоятелям Саратовской епархии», в котором обращал внимание на недопустимость сокращения служб, необходимость соблюдения Устава, правильное совершение таинств. Особое внимание было уделено церковному пению, которое «должно назидать, а не услаждать», «не должно иметь театрального, мирского характера». К «Обращению» были приложены большой и малый списки церковно-музыкальных произведений и объяснения, как следует организовать хоры. «Обращение» касалось не только богослужебных, но и хозяйственных тонкостей (правильного

и осмысленного размещения икон, внимания к внутреннему убранству, ремонта и строительства); также в нем затрагивались вопросы нравственного уровня духовенства и внешнего вида священника. Ситуация в епархии была сложной, и новый архиерей различными способами старался разъяснить священникам на местах о недопустимости искажений и сокращений богослужебного чина, о необходимости следовать Требнику при совершении таинств, о правильной организации церковного пения, о важности проповеднической работы, о том, как правильно приобретать и развешивать иконы, вести хозяйство храма, приступать к ремонту и строительству, и о многом другом, чем священникам приходилось заниматься на приходах. Даже несмотря на то что к архиерею постепенно приехали многие из его духовных чад и стали нести службу в храмах Саратовской епархии, архиепископ Гурий в связи с ухудшением здоровья подал прошение о переводе в другое место службы, которое поддержал Патриарх Алексий.

Черниговская кафедра

Владыка Гурий принял Черниговскую епархию в августе 1954 года и пробыл на Черниговской кафедре немногим более года. В одном из писем к Патриарху Алексию архиепископ Гурий благодарит его за это назначение, потому что в Чернигове он «нашел для своей души спокойствие». В Черниговской области было 360 действующих храмов и два женских монастыря. Население и духовенство очень тепло приняли архиепископа Гурия. По сложившейся в Александро-Невском братстве традиции воскресными вечерами в Спасо-Преображенском кафедральном соборе архипастырь проводил с верующими беседы, в которых «учил свою паству сердечной молитве, стремился раскрыть перед ними красоту и глубину церковных служб, показать на ярких примерах из жизни благодатные плоды молитв»¹³. Черниговцы любили эти непринужденные беседы. Однако и здесь один из главных вопросов был в нехватке кадров. В докладе Патриарху Алексию архиепископ Гурий дал качественную оценку черниговскому духовенству: «Духовенство в Черниговской епархии такое же, как и в других епархиях. Имеются среди них

Издательство ПСТГУ, 1248 страниц, более 300 фотографий и документов. Тираж 1500 экземпляров

Дмитрий Владимирович ПАВЛОВ,

магистр теологии, младший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела новейшей истории Русской Православной Церкви ПСТГУ.

Книга Дмитрия Владимировича Павлова «До смерти я буду призывать вас к молитве». Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова)» вышла в 2021 году, к 130-летию со дня рождения митрополита Гурия. В 2022 году книга была удостоена первого места в номинации «Лучшее издание по истории Русской Православной Церкви в XX веке и казачеству» XVII открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу».

Монография о жизни и служении митрополита Гурия освещает проблемы церковной жизни 1920–1960-х годов, раскрывает антицерковную политику советского государства, представляет факты из биографий множества людей, с которыми встречался и взаимодействовал митрополит Гурий. Читатель узнает новые важные для церковной истории сведения о священноисповеднике Луке (Войно-Ясенецком), священномученике Иннокентии (Тихонове), преподобномученике Льве (Егорове), митрополите Иоанне (Вендланде), архиепископах Михее (Хархарове), Ермогене (Голубеве) и о многих других священнослужителях и монашествующих. В книге представлены уникальные, не публиковавшиеся ранее документы, свидетельства людей, хорошо знакомых с владыкой или с его духовными чадами, опубликованы проповеди, дневник и письма владыки, документы, циркуляры, которые он разрабатывал, воспоминания о митрополите Гурии его духовных чад. Это первое научное описание жизненного пути и церковного служения владыки Гурия на разных поприщах в 1940–1960-х годах. В процессе написания монографии были использованы источники из более чем 30 государственных, церковных и личных архивов, расположенных на территории Российской Федерации и стран СНГ. Работа по поиску документов велась в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Ташкента, Минска, Симферополя, Днепропетровска, Саратова и других городов. Благодаря этим источникам, большинство из которых публикуется впервые, удалось показать в деталях жизненный путь владыки Гурия и его служение. Были найдены документы, относящиеся к периоду его обучения в Петровском коммерческом училище и Санкт-Петербургской духовной академии. Использованы материалы следственных дел из архивов ФСБ. Более десяти альбомов с фотографиями владыки, фотографии из семейных архивов потомков его духовных чад были получены в дар и оцифрованы для публикации.

и молитвенники, имеются и недостойные своего звания по внешнему даже поведению... Заметил я (при поездках по епархии), что в Черниговской епархии духовенство более старательно вычитывает правило перед причащением»¹⁴.

В октябре 1955 года неожиданно для него самогo архиепископ Черниговский и Нежинский Гурий был назначен управляющим Днепропетровской и Запорожской епархией.

Днепропетровск, Минск, Ленинград и Крым

Три с половиной года служения архиепископа Гурия в Днепропетровской и Запорожской епархиях были посвящены восстановлению храмов и Тихвинского женского монастыря. Архипастырь наладил работу епархиального управления, создал епархиальный склад, организовал ремонтно-строительные работы на приходах, внедрил систему учета материально-денежных ценностей. Как и в других местах своего служения, решал кадровые вопросы: приглашал священников, отправлял молодежь учиться в духовные семинарии. Большое внимание уделял Тихвинскому монастырю, решая вопросы монастырской жизни и благоустройства обители. В 1958 году в стране началась новая антирелигиозная волна, но особенно сильно пострадала епархия после отбытия архиепископа Гурия в Минск, при епископе Иоасафе (Лелюхине), когда был закрыт Тихвинский монастырь и три четверти храмов.

Двадцать первого мая 1959 года архиепископ Гурий назначен Священным Синодом управляющим Минской и Белорусской епархией с возведением в сан митрополита. Архивные документы доказывают, насколько тяжелыми для Церкви оказались последствия закрытия храмов и монастырей и как владыка противостоял этим решениям.

С октября 1960 и по ноябрь 1961 года митрополит Гурий возглавлял Ленинградскую епархию. Этот период стал наивысшей точкой в его архиерейском служении: он возглавлял вторую по значимости кафедру и был постоянным членом Священного Синода. Однако владыка Гурий тяготился родным городом, его климатом, необходимостью постоянно принимать иностранные делегации. Давление государства на Церковь усиливалось, и он продолжал делать все возможное, чтобы уберечь храмы от закрытия, а кадры духовенства — от сокращения.

В 1961 году митрополит Гурий попросил о переводе из Ленинграда в Крым. Причины своего решения архипастырь раскрывает в письме к Елизавете Николаевне Вендланд, сестре архиепископа Иоанна:

«Почему я прошу перевода? Правда, климат Ленинграда очень вреден мне, вернее воздух, пропитанный фабричным дымом. Но еще труднее для меня враждебное отношение ко мне моих ближайших сотрудников по канцелярии... <...> Диабет... <...> Сердце иногда дает себя знать. Гомеопатические лекарства облегчают мне сердечные боли. Только фабричный дым вызывает боль в сердце...»

Однако новое место служения в Крыму не стало для митрополита Гурия курортом. Это были годы массового закрытия храмов. Владыка Гурий находился в постоянном напряжении, борясь за выживание Церкви при становящемся все более жестком контроле деятельности духовенства советскими и партийными властями. Здоровье было подорвано преследующими его болезнями, сказывался почтенный возраст. В конце жизни митрополит Гурий страдал от одиночества. Его духовные чада несли послушания в разных местах и не могли сопровождать его каждый раз к новому месту служения.

В молитве — и храмовой, и домашней — митрополит Гурий искал укрепления, утешения и помощи Божией. Последнее богослужение архипастырь совершил 13 июня 1965 года на праздник Святой Троицы в днепрпетровском кафедральном соборе.

Архипастырь тихо отошел ко Господу на своей даче в праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла 12 июля 1965 года, не дожив двух дней до своего 74-летия.

Митрополит Гурий был полностью предан делу Церкви, но в то же время оставался гибким и дипломатичным в отношениях с представителями советской власти, которых порой поража-

ли его стойкость, несгибаемая воля и непоколебимость веры, — как правящий архиерей, он до последнего защищал храмы от закрытия, а священников от преследований. Противостоял разрушительным планам властей, где это было возможно. Там, где нельзя было сдерживать антирелигиозный натиск, пытался хотя бы ослабить давление и минимизировать последствия. Был нацелен на воспитание нового поколения священников — молодых, образованных, приспособленных к советской действительности.

Духовные чада митрополита Гурия стали достойными священнослужителями. Двое из них удостоились архиерейского сана — митрополит Иоанн (Вендланд) и архиепископ Михей (Хархаров).

Протоиерей Игорь Мальцев называл митрополита Гурия «очень обаятельной и глубокой личностью»; митрополит Иоанн (Вендланд) отмечал, что владыка «сиял светом радостного благодатного состояния» и в личной беседе «озарял собеседника светлой улыбкой»; по воспоминаниям протоиерея Георгия Северина, «его лицо всегда сияло, глаза излучали тепло и любовь», которая покрывала все человеческие недостатки приходящих к архипастырю.

Владыка Гурий был монахом высокой христианской нравственности, никогда не впадал в стяжательство, властолюбие и тщеславие. Со всего Советского Союза к нему стекалось множество верующих, всех их он постоянно держал в уме, молился о них и об их нуждах. Его отличало великое человеколюбие. В каждом из мест своего служения архипастырь стремился наладить богослужебную жизнь в соответствии с церковными канонами и хозяйственную деятельность храмов и монастырей.

Жизнь и служение митрополита Гурия являются для священнослужителей, включая высшее духовенство, показательным примером того, как возможно в сложных условиях гонений приумножить веру, сохранить паству, вырастить достойную смену.

¹ Шкаровский М.В. Александро-Невское братство. СПб., 2003. С. 22–23.

² Там же. С. 30.

³ Павлов Д. В. «До смерти я буду призывать вас к молитве». М., 2021. С. 1025.

⁴ Там же.

⁵ Иоанн (Вендланд), митр. Князь Фёдор (Чёрный); Митрополит Гурий (Егоров) : Исторические очерки. Ярославль, 1999. С. 117.

⁶ Там же. С. 120.

⁷ Тихон (Агриков), архим. У Троицы окрыленные. Сергиев Посад, 2017. С. 45–46.

⁸ Боскин С., протодиак. Пасха 1946 года // Троицкое слово : Сборник духовно-нравственного просвещения [Загорск], [1990]. № 4. С. 19.

⁹ См.: Там же. С. 23.

¹⁰ По воспоминаниям духовного чада митрополита Гурия, архиепископа Михея (Хархарова). Цит. по: «Свет ваш пред человеки» / сост. Э. Л. Меженная. Ярославль, 2019. С. 213.

¹¹ Архив Ташкентского епархиального управления. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

¹² Павлов Д. В. Указ. соч. С. 507.

¹³ Зегжда С. А. Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом. [Набережные Челны], 2009. С. 166.

¹⁴ Архив Московской Патриархии. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2584. Дело Черниговской епархии. 1954 г. Л. 111–116.

¹⁵ Павлов Д. В. Указ. соч. С. 895.